

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. С. Найденова
г. Москва, Россия

© 2018 г. О. А. Сапрыкина
г. Москва, Россия

© 2018 г. И. А. Демина
г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ: НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА «ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ ДУХОВНАЯ И КАК НА НЕЕ НАСТРОИТЬСЯ?»

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей перевода текстов по религиозной тематике, принадлежащих, в частности, эпистолярному жанру. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ текстов произведения Святителя Феофана Затворника «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?» на русском и французском языках в переводе А. Кишилов. Особое внимание уделено изучению идиостиля автора, имеющего ярко выраженные особенности на всех языковых уровнях. Выявляются основные виды переводческих трансформаций и анализируется степень эффективности их использования. Если синтаксическая структура фраз оригинального текста практически полностью сохранена в переводе, то для отражения лексических особенностей переводчику пришлось прибегнуть к ряду трансформаций, в числе которых особое место занимают транспозиция и калькирование. В определенных случаях был удачно подобран частичный французский эквивалент русской лексемы. Некоторые особенности оригинального текста, например, авторские неологизмы, оказались утрачены в переводе, что объясняется в большинстве случаев структурными различиями между неблизкородственными языками — русским и французским. Проведенное исследование показало, что в целом переводчику удалось сохранить стилистические особенности оригинала.

Ключевые слова: перевод, переводческая трансформация, лакуна, русский язык, французский язык, религиозный дискурс, религиозный текст, эпистолярный жанр, идиостиль, Святитель Феофан Затворник, интертекстуальность.

Информация об авторах:

Наталья Сергеевна Найденова — доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: nns1306@mail.ru

Ольга Александровна Сапрыкина — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские

горы, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119992 г. Москва, Россия. E-mail: olgasaprykina@mail.ru

Илона Александровна Демина — аспирант, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, 117198 г. Москва, Россия. E-mail: demina.ilona.fr@gmail.com

Дата поступления статьи: 05.05.2017

Дата публикации: 15.03.2018

В современном мире переводческая деятельность приобретает все большую значимость. Процессы глобализации открывают для человечества возможность обмена культурным наследием. В связи с этим возникает необходимость в переводе произведений самых различных жанров, в том числе и духовных сочинений. Перевод религиозного текста существенно отличается от перевода художественного текста. Переводчик должен глубоко понимать смысл текста, знать необходимые факты из истории и религиозной культуры, владеть церковно-религиозными терминами, а также уметь осмыслить мировоззрение и духовный опыт автора.

Каждый жанр духовной литературы имеет свою специфику, которая непременно должна быть учтена при переводе. Не является исключением и эпистолярный жанр, гораздо более распространенный в духовной литературе по сравнению со светской. Одна из причин этого состоит в том, что многие святые отцы оставили после себя большое количество писем, адресованных духовным чадам. Некоторые из них объединялись в единый сборник и в конечном итоге издавались как книга, обращенная не к одному конкретному человеку, но ко всем, кого интересовали те или иные вопросы духовной жизни [2].

Книга Св. Феофана «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?» (1878) представляет собой сборник писем, адресованных молодой особе, в которых он дает ей наставления по интересующим ее вопросам, руководствуясь своим духовным и богословским опытом. Письма Св. Феофана довольно четко структурированы и включают в себя несколько разделов. Вначале Святитель обращается к девушке и ссылается на ее письмо, где она задает вопрос, таким образом определяя проблематику своего послания. Основная часть содержит его рассуждения и примеры из собственного духовного опыта. Затем автор переходит к практической части, в которой советует, как поступить и что именно делать для духовного становления. В конце каждого письма автор благословляет адресата.

Труд Св. Феофана «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?» был переведен на французский язык А. Кишилов. В ходе работы перед переводчиком стоял ряд задач по достижению максимальной адекватности перевода как на уровне текста, так и на уровне языковых единиц. Стиль изложения Феофана Затворника, с одной стороны, прост, но, с другой стороны, очень ярок и самобытен. Эпистолярные произведения Святителя Феофана оформляются комплексом риторических, поэтических и ритмических средств [5]. Речь Святителя экспрессивна, он часто прибегает к употреблению восклицательных предложений, в особенности в начале писем, чем выражает радость от получения ответа от своего адресата. Например: «Как вы обрадовали меня Вашим ответом!» [4, с. 27]. Во французском переводе данная особенность авторского стиля сохраняется: «Comme j'ai été heureux de votre réponse!» [6, р. 49]. Часто восклицательные предложения используются для побуждения и пристыжения собеседника: «Увы! и ах! Как это до сих пор никто Вам не открыл глаз» [4, с. 117]. Переводчик сохраняет восклицательную

форму первого предложения, а второе делает вопросительным: «Hélas, trois fois hélas! Comment se fait-il que personne jusqu'alors ne vous a ouvert les yeux?» [6, p. 88].

Идиостилю Святителя Феофана присуще частое употребление риторических вопросов. С их помощью он осуществляет постановку проблематики письма, после чего дает подробный ответ. Например: «Цель жизни точно надо определенно знать. Но мудрено ли это? И не определена ли уже она?» [4, с. 117]. При переводе данная особенность сохраняется: «Le but de la vie, il faut en effet le connaître précisément. Mais est-il compliqué? N'est-il pas déjà déterminé?» [6, p. 89].

Еще одной синтаксической особенностью идиостиля Святителя Феофана является инверсия, используемая в целях эмфазы. Например: «<...> трудами сими возгревали в себе дух молитвенный» [4, с. 114]. В силу структурных особенностей французского языка данный прием оказывается утрачен в переводе: «<...> par ce travail, ils ont allumé en eux l'esprit de la prière» [6, p. 87].

Часто Феофан Затворник использует диминутивы, в числе которых *добренький, новенькая, коротенькая, хорошенько*. Подобные словоформы выражают его заботливое отношение к собеседнику. Например: «Хорошо Вы делали, что всю почти дорогу не оставляли коротенькой молитовки» [4, с. 441]. Во французском тексте данная особенность опущена: «Vous avez fort bien fait de n'avoir pas délaissé, tout le long du voyage, la courte prière» [6, p. 230].

Не нашла эта черта отражения в языке перевода и в следующем случае: «Что же именно? То, чтобы Вы стали новенькою. Как новенькою? Так, как бывает всякое новенькое платьице: все на своем месте, ни пятнышка, ни помятости; так и веет от него свежестию» [4, с. 173]. Диминутивная форма имени прилагательного *новый* (*новенькая*) ярко выражает отношение Св. Феофана к собеседнику. Он обращается к своему духовному чаду с родительской любовью. Во французском переводе не удастся передать эту особенность речи Святителя: «Quoi donc? Que vous deveniez toute neuve. Comment, toute neuve? Eh bien, comme le serait une robe neuve» [6, p. 112].

Святитель часто прибегает к использованию элементов устного народного творчества, например: «нашла коса на камень» [4, с. 40] — «elles ont trouvé là leur pierre d'achoppement» [6, p. 55]. В силу отсутствия эквивалента данной поговорки, переводчик использует крылатое выражение (дословно «камень преткновения»), известное французскому читателю. Отдельно необходимо отметить перевод пословиц, например: «Как говорят про водочку: первая чарка колом, вторая соколом, а там уж только подавай» [4, с. 28]. Переводчик прибегает к описательному переводу: «Comme on dit de la vodka: le premier verre passe mal, le second paraît bon, quand aux suivants, qu'on les remplisse» [6, p. 50].

Довольно высокой частотностью в тексте отличаются авторские неологизмы, например, *пишите всегда с плеча*. Данное выражение основано на русском фразеологизме *рубить с плеча*. Святитель Феофан так раскрывает смысл созданного им словосочетания: «И пишите всегда с плеча — все, что есть на душе, и особенно попопнее излагайте вопросы, которые зашевелиятся в голове и станут настойчиво требовать решения» [4, с. 24]. Во французском тексте переводчик использует французский фразеологизм *au fil de la plume*, означающий «писать, не заботясь о стиле, по воле пера» — «Écrivez toujours au fil de la plume, tout ce que vous avez sur le cœur et, surtout, exposez en détail les questions qui agitent votre esprit et qui exigent de recevoir une réponse...» [6, p. 48]. Используемый французский фразеологизм является близким по значению с исходным русским выражением, но не представляет собой его полный эквивалент. Тем самым,

с одной стороны, при переводе утрачиваются определенные особенности авторского идиостиля, а с другой — сохраняется смысловая нагрузка оригинала.

Подобный прием используется и при переводе авторского неологизма *действовать нараспашку*: «Внешне действуйте как и все, будто нараспашку» [4, с. 41]. Во французском тексте используется описательный перевод: «Extérieurement, agissez comme tous les autres, soyez directe et sincère» [6, p. 55], дословно: Внешне действуйте как и все, будьте прямой и искренней.

В книге «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?» широко используются устаревшие слова, например, *алчба* и *гоньба*. Автор употребляет данные лексические единицы для описания низменных потребностей человека, т. е. алчности и погони за мирскими благами. «Неудовлетворенная сторона, как голодная, требует пищи в утоление своей алчбы и жажды и гонит человека искать ее» [4, с. 37]. Обратимся к переводу: «La part qui reste insatisfaite, comme affamée, réclame que sa faim et sa soif soient assouvies et elle pousse l'homme à chercher cette nourriture» [6, p. 53].

Таким образом, мы видим, что переводчик, исходя из контекста, перевел устаревшее слово *алчба* как *faim* — *голод*. При переводе слова *гоньба* в предложении «голод и жажда не пресекаются, не прекращаются и требование пищи, не прекращается и гоньба» [4, с. 37] использована транспозиция, сопровождаемая изменением грамматических категорий: «l'homme ne satisfait pas ses besoins, il court et cherche toujours» [6, p. 53].

Святитель Феофан часто использует сложносоставные архаизмы с корнем *-пуст-*: *пусторечие*, *пустомыслие*, *пустословие*. Например, фраза «язык и перо тачают у них такое пусторечие» [4, с. 78] содержит двукратное употребление устаревших слов. Глагол *тачать* — термин из лексикона сапожников, означающий «шить, пришивать, шить сквозной строчкой» [3]. Святитель Феофан употребляет данный глагол в переносном значении: язык и перо оставляют не мудрые мысли, а лишь пустые слова. А. Кишилов прибегает к описательному переводу: «leur langue et leur plume enfilent ces fadaïses» [6, p. 72]. Особой частотностью в текстах Святителя Феофана отличается лексема *пустомыслие*: «Большая часть времени проходит в пустомыслии и блуждании мыслей» [4, с. 78]. Переводчик прибегает к приему трансформации, сопровождаемой сменой главных членов предложения: «vos pensées évoluent dans le vide et le vague» [6, p. 61].

Еще одним из часто употребляемых устаревших слов является имя прилагательное *достодолжный*, которое подвергается субстантивации: «я имею намерение все достодолжное выводить из устройства человеческого естества» [4, с. 31]. В данном случае используется описательный перевод: «je me propose de tirer toutes les conclusions possibles de la façon dont est structurée la nature de l'homme» [6, p. 51].

При переводе лексемы *суесловный* используется прием адаптации: «Чему учит суесловный сей?» [4, с. 163]. В данном случае во французском языке приводится словосочетание «празднословный человек», несущее книжную, но не архаическую окраску: «Qu'enseigne-t-il, ce beau parleur?» [6, p. 108].

Для усиления выразительности автор предпринимает морфемный повтор: «хочу видеть разноцвет, слышать разноголосие, обонять разноухания» [4, с. 45]. Переводчик прибегает к приему адаптации: «<...> je veux voir les couleurs, entendre les sons, sentir les odeurs, etc» [6, p. 57], используя лексемы, свойственные нейтральному регистру (разноцвет — цвета, разноголосия — звуки, разноухания — запахи), что влечет за собой утрату выразительности, присущей оригиналу.

Святитель Феофан зачастую прибегает к использованию просторечных выражений, которые свидетельствуют о простоте и безыскусности его стиля. Таково, например, выражение «ласки напускные» [4, с. 33], используемое в разговорной речи для характеристики притворности и неискренности. В данном случае переводчик прибегает к приему смыслового согласования: «Les marques de tendresse sont feintes» [6, р. 52], дословно: знаки нежности притворны. В языке перевода, в отличие от оригинала, используется нейтральный стилистический регистр. Этот же прием используется при переводе просторечной лексемы *сумятица* (*cette course effrénée*, дословно: безудержная гонка).

Одна из основных трудностей перевода состоит в том, что, в силу специфики произведения, Св. Феофан широко употребляет лексемы, которые присущи лишь религиозному дискурсу. Более того, концепты, которые вербализуют эти лексемы, характерны не для всего христианского дискурса, а именно для православного. Такие лексические единицы создают трудности при переводе и называются лакунами. Компенсирование лакун в переводе было осуществлено за счет их помещения в глоссарий в конце книги, где они сопровождаются подробным объяснением. Тем самым переводчику удалось не нарушить стройность повествования, которой отличается текст на языке оригинала, и в то же время раскрыть смысл понятий, неизвестных иностранному читателю.

Как показал анализ глоссария, помимо подбора устоявшихся эквивалентов (например, *Théophanie* — *Богоявление*), переводчик прибегает к широкому спектру приемов. Большинство церковных терминов, заимствованных из греческого языка, например, таких, как *антидор* — *antidoron*, *ектения* — *ecténie*, *энколпион* — *encolpion*, *епитимья* — *épitimie*, *Октоих* — *Octoèque*, *Тупикон* — *Typicon*, переведено с помощью эквивалентов, также имеющих греческое происхождение. При этом лексемы, этимологически восходящие к греческому языку, отличаются большей частотностью в переводе, чем в оригинале, например, *служебник* — *hiératikon*, *шестопсалмие* — *hexapsalme*. В определенных случаях лексемы, имеющие греческое происхождение, используются наряду с французскими: *Четы-Минеи* — *Ménée des fêtes*. Некоторые лакунарные лексемы переведены путем калькирования, где составные части словосочетания передаются соответствующими лексическими единицами французского языка: *литургия Преждеосвященных Даров* — *liturgie des Dons présanctifiés*. В ряде случаев используется описательный перевод: *схима* — *grand habit monastique*.

При переводе лакун используется и прием транспозиции, например: «При жизни святого Андрея, Христа ради юродивого, был в Константинополе иерей (из неженатых), постник, уединенник, молитвенник» [4, с. 106] — «Du temps de saint André, Fol en Christ, il y avait à Constantinople un hiéromoine, adonné au jeûne, à la solitude, à la prière» [6, р. 83]. Конкретные имена существительные — *постник, уединенник и молитвенник* — заменяются абстрактными — *преданный посту, уединенности и молитве*.

Необходимо также обратить внимание на употребление в письмах Св. Феофана семантических дивергентов, представляющих собой полисемантические лексические единицы, при переводе которых возникают сложности с подбором эквивалента. Как известно, перевод полисемантических лексем очень сложен и требует глубокого понимания текста. Ведь каждому значению одной лексической единицы соответствуют разные слова языка перевода, которые могут иметь даже противоположное значение. Чаще всего перевод полисемантических единиц выводится не из словарных соответствий, а из контекста, т. е. путем смыслового согласования.

Например, в своей книге Феофан Затворник рассуждает на тему ревности: «Еще примите во внимание, что бывает ревность и душевная, и ревность сильная. Но она вся обращена на устройство временного быта. Кто о научности ревнует не спя; кто о художественности, мир весь обегая; кто о промышленности и торговле, сил не жалея; кто о другом чем, житейском или гражданском. Все это было бы ничего, но то беда, что когда какая-либо из сих ревностей завладеет вниманием и силами человека, то она погашает ревность духовную. Душевная ревность в лучших своих проявлениях, какие указаны, холодна к духовному и отбивает всякую охоту заниматься тем, что удовлетворяет ревность духовную. А о других ревностях и говорить нечего, как они противны духовной. Ибо есть еще ревность суетная (о нарядах и подобном) и есть ревность злая — порочная и грешная, обращенная на удовлетворение страстям» [4, с. 168]. Святитель Феофан противопоставляет *ревность духовную*, связанную со стремлением к Богу, и *ревность мирскую*, подразделяемую на *ревность душевную*, которая, хотя и затрагивает возвышенные чувства, не ставит целью служение Богу, и *ревность суетную*, которая заставляет удовлетворять материальные потребности. Таким образом, понятие *ревность* в данном контексте употребляется с позиций православной аскетики и отличается от распространенного и всем известного чувства, которое возникает от недоверия и недостатка любви или внимания. В духовных книгах можно часто встретить выражение «*ревность о Боге*», например, в Послании к Коринфянам Апостол Павел говорит: «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных...» (1 Кор. 14:1), иными словами, имейте усердие и рвение к духовной жизни.

Полисемантический характер данной лексемы связан с историческим изменением ее значения. Изначально ревность толковалась как «усердие, старание, рвение, горячая приверженность к чему-либо» [3], после чего на смену пришло значение «страстная недоверчивость, мучительное сомнение в верности и зависть» [1].

Обратимся к переводу приведенного фрагмента на французский язык: «Prêtez encore attention au fait qu'il existe un zèle intellectuel, et c'est un zèle puissant. Mais celui-là est entièrement tourné vers l'organisation du quotidien. Il y a ceux qui, zélés pour la science, n'en dorment pas; ceux qui zélés pour les arts, parcourent le monde; ceux qui zélés pour l'industrie et le commerce, n'épargnent pas leur peine, et tous ceux qui sont zélés pour les choses de la vie courante ou civile. Cela ne serait rien, mais le malheur, c'est que ces formes du zèle, quand elles s'emparent des forces d'un homme, étouffent en lui l'ardeur spirituelle. Des autres formes de l'ardeur, point n'est besoin de dire combien elles sont hostiles à l'ardeur spirituelle. Car il y a un zèle de vanité (comment s'habiller, et autre soucis de ce genre), un zèle de malignité, vicieux et peccamineux, tourné vers la satisfaction des passions» [6, p. 110]. Лексема *ревность* имеет в тексте перевода два эквивалента: *zèle* — буквально *рвение* и *ardeur* — буквально *пламя, сила, горение*. Наиболее частотный французский эквивалент *jalousie* (дословно — *ревность, зависть*) не употребляется, так как это исказило бы смысл оригинала. При этом имя существительное *ardeur* используется исключительно применительно к ревности духовной, чем достигается наиболее рельефное ее противопоставление другим видам ревности. Тем самым переводчику удается сохранить и наиболее точно передать авторскую интенцию.

В своих письмах Феофан Затворник широко употребляет интертекст, прибегая как к цитации, так и к аллюзии на тексты Священного Писания и святоотеческого наследия. Например: «Почему удовлетворение их и называется единым на потребу» [4, с. 130]. Данный фрагмент апеллирует к словам Иисуса Христа, обращенным к Мар-

фе, которая накрывала на стол, в то время как ее сестра Мария, сидя у ног Спасителя, слушала Его слова: «Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу» (Лк 10:41-42). Во французском переводе Библии данный оборот звучит как *une seule chose est nécessaire*. Переводчик изменяет синтаксическую структуру оригинала и не воспроизводит цитату дословно: «*C'est pourquoi l'on dit de leur satisfaction que c'est l'unique nécessaire*» [6, p. 94]. Перевод, таким образом, в отличие от оригинала, содержит аллюзию, но не прямую цитацию.

В своих письмах Феофан Затворник часто цитирует и слова своего собеседника, подвергая их критическому анализу, что говорит о властности его дискурса. Иными словами, речь Святителя доминирует над речью его духовного чада, и таким образом читатель понимает, что диалог ведется между учителем и учеником. Например: «Что такое с Вами сделалось? И что за вопросы: “Не знаю, что сделать со своей жизнью. Надо же что-нибудь делать. Надо же себе цель определить?” Читаю и изумляюсь, откуда родились такие мудреные помышления» [4, с. 116]. Во французском тексте данная черта сохраняется: «*Que vous arrive-t-il donc? Et qu'est-ce que ces questions: “Je ne sais pas quoi faire de ma vie. Il faut tout de même faire quelque chose, il faut se donner un but?” Je vous lis et je m'étonne: d'où vous viennent ces réflexions saugrenues?»* [6, p. 88]. Также об определенной авторитарности дискурса Св. Феофана говорит частое употребление повелительного наклонения. Например: «Просмотрите еще всю жизнь с самого начала <...> Усмотрите в своей жизни такие случаи и исповедайте <...> и благодарите Бога от всего сердца» [4, с. 338]. Данными словами автор как учитель наставляет собеседника и побуждает действию. Во французском тексте данная особенность сохраняется: «*Examinez encore votre vie entière dès son commencement <...> Recherchez dans votre vie ce genre de cas et reconnaissez là <...> Confessez ces miséricordes et rendez grâces à Dieu de tout votre cœur*» [6, p. 184]. Несмотря на то что во французском языке использование прямого приказа в форме повелительного наклонения зачастую расценивается как невежливость, переводчик не избегает его употребления, сохраняя особенность авторского идиостиля.

Анализ писем, вошедших в сборник «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?», показал, что идиостиль Св. Феофана Затворника отличается ярко выраженной самобытностью и во многом далек от общепринятого стиля других духовных сочинений. В нем соплагаются церковнославянизмы и просторечия, цитаты из Священного Писания и поговорки, архаизмы и авторские неологизмы. Это повышает наглядность и аргументированность идеи автора и создает впечатление живого диалога, который читатель как будто сам ведет с духовным учителем. В этой связи задача, стоящая перед переводчиком, заключается не только в максимальном сохранении смысловой нагрузки оригинала, но и в отражении его стилистических особенностей с учетом структурного различия между неблизкородственными языками — русским и французским. Переводчику удалось в основном сохранить синтаксическую структуру оригинального текста. Что касается лексико-семантического уровня, то основными использованными приемами выступают поиск полного или частичного эквивалента, транспозиция и калькирование. Несмотря на частичную утрату особенностей оригинала (например, авторских неологизмов), переводчику удалось сохранить яркий и выразительный характер стиля Святителя Феофана, тем самым сделав его назидательный труд доступным для французской читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка: современное написание. М.: АСТ, 2002. 984 с.
- 2 *Каширина В. Н.* Духовное письмо как жанр (на примере оптинского эпистолярия) // Православное книжное обозрение. 2013. № 7. С. 58–67.
- 3 *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2002. 944 с.
- 4 *Святитель Феофан Затворник.* Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться? М.: Благовест, 2013. 496 с.
- 5 *Трофимова Н. В.* Своеобразие поэтики и функционирования плачей в «Казанской истории» // Вестник славянских культур. 2016. № 1. С. 84–92.
- 6 Saint Théophane le Reclus. *Lettres de direction spirituelle.* Genève: Editions des Syrtes, 2014. 269 p.

© 2018. **Natalia S. Naydenova**
Moscow, Russia

© 2018. **Olga A. Saprykina**
Moscow, Russia

© 2018. **Iona A. Demina**
Moscow, Russia

TRANSLATION OF RELIGIOUS EPISTOLARY TEXT FROM RUSSIAN INTO FRENCH: CASE STUDY OF *THE SPIRITUAL LIFE AND HOW TO BE ATTUNED TO IT?* BY ST. THEOPHAN THE RECLUSE

Abstract: The article focuses on the study of specifics inherent in the translation of religious texts, in particular, those belonging to epistolary genre. The research is based on the comparison of the Russian and French texts of *The Spiritual Life and How to Be Attuned To It?* by St. Theophan the Recluse with a special emphasis on the analysis of the author's individual style, characterized by specific features at all language levels. The study allowed to identify the main types of translation transformations and to analyze the efficiency of their use. While the syntactic structure of original phrases was predominantly preserved in the translation, the lexical level required a number of transformations, including transposition and calque. In certain cases, the translator used the appropriate French partial equivalent of a Russian word. Certain features of the original text, such as neologisms, were not translated text due to the structural differences between the Russian and French languages. The research demonstrates that in the majority of cases the translator managed to convey the stylistics of the original text.

Keywords: translation, translation transformation, lexical gap, religious discourse, religious text, epistolary genre, Russian language, French language, individual style, St. Theophan the Recluse, intertextuality.

Information about the authors:

Natalia S. Naydenova — DSc in Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10, 117198 Moscow, Russia. E-mail: nns1306@mail.ru

Olga A. Saprykina — DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119992 Moscow, Russia. E-mail: olgasaprykina@mail.ru

Ilona A. Demina — Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10, 117198 Moscow, Russia. E-mail: demina.ilona.fr@gmail.com

Received: May 05, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennoe napisanie* [Explanatory Dictionary of the Russian language: modern spelling]. Moscow, AST Publ., 2002. 984 p. (In Russian)
- 2 Kashirina V. V. Dukhovnoe pis'mo kak zhanr: na primere optinskogo epistoliarriia [Spiritual letter as a genre: case study of Optina Monastery epistolary]. *Pravoslavnoe knizhnoe obozrenie*, 2013, no 7, pp. 58–67. (In Russian)
- 3 Ozhegov S. I., Shvedova N. U. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, ITI Tehnologii Publ., 2002. 944 p. (In Russian)
- 4 Sviatitel' Feofan Zatvornik. *Chto est' zhizn' dukhovnaia i kak na nee nastroitsia?* [The Spiritual Life and How to Be Attuned To It?]. Moscow, Blagovest Publ., 2013. 496 p. (In Russian)
- 5 Trofimova N. V. Svoeobrazie pojetiki i funkcionirovanija plachej v "Kazanskoj istorii" [Lamentations in "The Kazan History"]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, 2016, no 1, pp. 84–92. (In Russian)
- 6 Saint Théophane le Reclus. *Lettres de direction spirituelle* [Letters of spiritual direction]. Genève, Editions des Syrtes Publ., 2014. 269 p. (In French)